

Глава 9

Покончив с тортом, обе разошлись по комнатам спать.

- Учитель Юй, не хотите примерить то платье? Я покупала его специально под вашу фигуру, правда, не знаю, подойдёт ли оно вам. Если окажется не по размеру, завтра отнесу в магазин и поменяю, - предложила Линь Дун, устроившись на краешке своей кровати.

- Эм...

Юй Цинли замялась и невольно направилась к платью.

- Ах ты девочка, больше не покупай таких дорогих вещей, какая пустая трата денег, - взяв платье в руки и глядя на Линь Дун, снова пожурела она.

Линь Дун ничего не ответила и лишь улыбнулась, глядя на неё.

Если не считать того, что при росте всего в полтора метра Учитель Юй была маловата, пропорции тела у неё оставались весьма неплохими.

Даже с распущенными длинными волосами она выглядела очень очаровательно.

Надень она это красивое платье, её облик вмиг преобразился бы, и уж точно никто больше не посмел бы назвать её вульгарной простолюдинкой.

- Ой, сколько же оно стоит! - испуганно воскликнула Юй Цинли. - И зачем ты так транжиришь? Такое платье меньше чем за тысячу-две, а то и за семь-восемь сотен не купишь.

И тут же приказала Линь Дун:

- А ну повернись, не смей на меня пялиться!

Юй Цинли закрыла дверь.

Она опустила голову, не решаясь толком взглянуть на себя в зеркало, и лишь изредка бросала на отражение вороватые взгляды.

- Красиво.

Её силуэт отражался в зеркале, встроенном в дверцу гардероба, - изящный и трогательный.

Сжав платье в руках, она вернулась на то же место, где стояла до этого, и пробормотала себе под нос:

- Счастье ещё, что я не потребовала с тебя миллион, иначе оказалась бы ты должна больше двух миллионов, так бы и горбатилась до смерти.

- Правда?

Линь Дун повернулась, но Юй Цинли уже переоделась в то платье.

В стороне Юй Цинли воцарилась тишина.

- Ха-ха...

Она легко шлёпнула Линь Дун ещё не распакованным платьем в пластиковом чехле и укоризненно произнесла:

- Я тебе про транжирство говорю, а ты смеёшься, это ещё что значит? Что такое, заработала денег на стороне, так теперь сорить ими начала?

- Ничего страшного, Учитель Юй, давайте же скорее примеряйте платье!

Из-за двери донеслось шуршание, и Линь Дун вдруг непреодолимо потянуло подглядеть, но из уважения к учительнице она всё же сдержалась.

Улыбнувшись, Линь Дун отвернулась и устремила взгляд на глубокую ночную темноту за окном.

Линь Дун бросила одобрителный взгляд ей в спину.

- Готово!

- Тебе нравится?

Заметив, что Линь Дун только глупо улыбается, Юй Цинли возмущённо направилась к ней.

- С чего вы взяли, Учитель Юй, мой бизнес мало того что прогорел, так на мне ещё и больше миллиона долгов висит, - выпрямившись, серьёзно произнесла Линь Дун.

- Ну как, всё? - спросила Линь Дун.

Словно наивная маленькая девочка, Юй Цинли резко крутанулась на месте и запрыгала вокруг Линь Дун. Покружившись в танце какое-то мгновение, она вдруг осознала, как нелепо выглядит, и от смущения снова отвернулась.

– Честно говоря, я уже несколько лет не надевала платьев, – её голос погрузнел. – Спасибо тебе, Линь Дун, я знаю, что ты с самого детства была чуткой и внимательной.

– Учитель Юй, главное, чтобы вы были рады и счастливы. – Линь Дун почесала в затылке, чувствуя, как накатывает сонливость, и тут же зевнула пару раз.

– Платье-то хорошее, только вот совсем не подходит моему положению. Сейчас я нищая оборванка, и одеваться должна под стать бабкам с овощного рынка.

Юй Цинли присела на краешек кровати и с грустью принялась стягивать платье.

– Учитель Юй, не говорите так.

Линь Дун обернулась и как раз успела заметить её белоснежную спину, да так испугалась, что тут же отпрянула и снова отвернулась.

Надев пижаму, Юй Цинли нырнула под одеяло.

Линь Дун тоже забралась в свою постель. Когда свет погас, обе остались лежать в темноте.

– Ты что, правда любишь женщин? – неожиданно спросила Юй Цинли, судя по всему, всё это время обдумывавшая этот вопрос.

– Угу.

Линь Дун немного помедлила, а затем пояснила:

– Но вы не переживайте, я далеко не каждую женщину способна полюбить, у меня есть свои критерии выбора.

– А тебе не кажется, что любить женщину — это нечто такое, с чем трудно смириться? – в голосе Юй Цинли сквозил какой-то скрытый подтекст.

Линь Дун вздохнула.

– Вы правы. Именно потому, что с этим так трудно смириться, я и дотянула почти до двадцати девяти лет, прежде чем начать отношения и набраться смелости принять тот факт, что мне

нравятся женщины.

- А у тебя раньше были девушки?

- Конечно были. Первые две связи оказались мимолётными, я тогда вообще ничего толком не понимала, а последней стала Лу Шаньшань, мы провели вместе целых шесть лет.

- Все эти шесть лет мы вместе поднимали компанию, мотались по делам, зарабатывали деньги, делили тяготы, бывали друг у друга дома, вместе купили квартиру и машину. Если не считать отсутствия детей, жили точно так же счастливо, как и любые другие пары...

- Так почему же вы в итоге расстались?

- Я и сама не знаю, наверное, чувства просто угасли.

Юй Цинли повернула голову и в темноте уставилась на Линь Дун.

- Линь Дун, я хочу перед тобой извиниться.

- За что?

Хотя Линь Дун задала этот вопрос, она уже догадывалась, что именно собирается сказать Юй Цинли — она слишком хорошо её знала.

- Прости меня, когда я впервые услышала, что тебе нравятся женщины, то просто не смогла принять это в душе и совершенно не понимала тебя, поэтому все эти дни я...

- Всё в порядке, Учитель Юй. Вот мои домашние — папа и младший брат — когда узнали, что я встречаюсь с девушкой, тоже переживали очень долгий и мучительный период. К счастью, в конце концов они оба со временем меня поняли, — честно призналась Линь Дун.

- А твоя мама? Что она сказала?

Юй Цинли ещё не знала, что мать Линь Дун скончалась как раз в год окончания старшей школы.

- Моя мама... она умерла уже давно, — с горечью произнесла Линь Дун.

- Когда это случилось? — изумилась Юй Цинли.

- Как раз в выпускном классе.

- Почему... почему ты мне никогда об этом не рассказывала? Я ещё думала тогда, чего это у тебя такой бледный вид, решила, будто ты просто от учебы устала, - с болью в голосе промолвила Юй Цинли.

- Разве об этом стоит говорить? Если о чьей-то горестной судьбе узнает ещё один человек, станет лишь на одну скорбь больше, а изменить случившееся уже нельзя, в этом нет никакого смысла.

- Эх ты, всё время кажешься весёлой, а в душе столько всего носишь. Так нельзя, знаешь ведь, до депрессии дойдёшь, - попыталась утешить её Юй Цинли. Помолчав немного, она добавила: - Я помню, как в первом классе старшей школы, когда поспел виноград, твоя мама принесла мне ягоды и наказала хорошенько за тобой присматривать. Тогда она была ещё совсем здорова и очень разговорчива — сразу было видно, что это женщина с тонкой душой.

Линь Дун погрузилась в воспоминания, и по её лицу тихо потекли две слезинки.

- Именно в тот раз, когда мама собралась уходить после того, как принесла вам виноград, она заглянула в класс и попросила меня прогуляться вместе с ней. Но я тогда почему-то так не хотела сблизиться, сидела за партой, отвернув шею, даже не глядя на неё, и раз за разом ей отказывала.

- А потом она уехала на заработки на юг, и когда вернулась, была уже тяжело больна, и поговорить по душам нам больше так и не довелось. Я так сожалею о своем юношеском легкомыслии! Наверняка у мамы тогда было столько всего мне сказать, а я так жестоко её отвергла. Каждый раз в тишине ночи, вспоминая об этом, я чувствую невыносимую боль на сердце и никак не могу себя простить...

Линь Дун уже рыдала навзрыд.

Юй Цинли прижала её к себе, похлопывая по спине, и мягко заговорила, утешая:

- Твоя мама уже тогда знала о своей болезни; она понимала, что после этой поездки неизвестно, сможет ли ещё когда-нибудь вернуться и увидеться с тобой, поэтому ей хотелось сказать тебе очень многое. Но ты ведь ничего не знала, так что ты не виновата...

- Каждая мама простит своего ребёнка, каких бы ошибок он ни наделал... Это материнская природа.